

Жюльен Грак

Д О Р О Г А

Пер. с франц. А.Скард-Липидуса

Первая публикация: "ПРЕДЛОГ" № 8, 1986.

На десятый, если мне не изменяет память, день после перевала через Хребет мы добрались до начала Тракта; узкая мощеная дорога вела от границы Порубежья — сотни миль — до ущелий Монтарбре — последняя линия жизни, двадцать раз раскромсанная и спаянная вновь, которая соединяла еще время от времени Королевство с далекой синишной Горой.

Странная — вызывающая тревогу дорога! единственная б о л ь ш а я д о р о г а, по которой я когда-либо следовал, петляние которой, даже если стереть вокруг нее все ее случайности и опасности — сумеречные лесосеки и страх — процарапает свой след у меня в памяти, как алмаз на стекле. Пуститься по ней в путь — все равно, что отплыть в море. Сквозь три сотни лье непонятного края, бегущая в одиночку, без узлов, без связей, тонкая нить, вытянутая, выбеленная солнцем, в перегное листьев, она разворачивает в моих воспоминаниях фосфоресцирующую дорожку тропы, меж травами которой в лунную ночь робко ступает нога, будто между ее ночными берегами я прошел всю ее, с начала до конца, сквозь нескончаемый черный лес.

Она начиналась странно — наподобие остатков римских дорог, что ~~хихикают~~ начинаются и кончаются неизвестно почему среди поля, как линейка, которую уронили на шахматную доску — в самом сердце травянистой поляны, в просвете, оставленном двумя спешившими воссоединиться лесными опушками, меж которыми она и устремлялась. Там, где ее основание осталось нетронутым, оно являло признаки тщательной, хоть и было очень узким, конструкции: плотную кладку маленьких глыб или — иногда, рядом с руслом рек — круглой гальки, схваченных чем-то вроде бетона, на которую, расшив швы, наложили мостовую, покрытие из больших плоских глыб. Все в целом довольно точно изображало верх узкой дамбы, возведенной вровень с поверхностью почвы. Глухой, без вибрато звук из-под копыт лошадей издавался будто стеной. Хотя ее ширина не превышала ширины колес телеги, и было видно, что дорога в первую очередь предназначалась для всадников, плиты мостовой сохраняли древние следы колеи, врезанные в камень изношенного водостока, инкрустированного ныне серым лишайником, и эти знаки древних перевозок живо воскрешали в памяти идеи безостановочного движения, пробуждения жизни, одушевлявшей, должно быть, в давно минувшую эпоху дорогу из конца в конец. Впечатление крайнего упадка, которое она производила теперь, было от этого лишь сильнее. Это была дорога — окаменелость: воля, которая рассекала саблех глушь, чтобы вызвать прилив крови и сил, уже

дажно умерла — и умерли даже сами те условия, что направляли эту волю ; остался лишь белеющий затвердевший рубец, пожираемый мало-помалу землей, как смыкающейся вновь плотью, направление которого, однако, еще невиднато углубляло горизонт ; скорее не путь, а оцепеневший, сумеречный знак — идти дальше вперед — затертая линия жизни, которая прозябала еще в дёбрях, как на ладони. Она была столь древней, что со времен ее постройки сам рельеф местности, должно быть, постепенно изменился : местами фундамент отлого, но заметно возвышался теперь над лужайками лошин, обнажая всю подноготную кладки — в другом месте утопленная облицовка погружалась на достаточно большое расстояние и терялась под нанесенной землей. Однако, она никогда не исчезала вполне из виду или, скорее, — даже с утонувшей под осыпями, с погруженной в высокие травы — как лошадь нащупывает все еще копытом замощенное дебнем дно брода — с ней сохранялось что-то вроде особого контакта, ибо след человеческого пути дольше не изглаживается с земли, чем клеймо раскаленного докрасна железа : белеющим в кустах перед собой просветом, не зная каким внезапным ужесточением равнения деревьев в удалении, что за все еще живой совет о н а п р а в л е н и и ! дорога изредка, хоть и развоплощенная, продолжала подавать нам знак, как те загадочные библейские ангелы дорог, которые призывали следовать за собой всего лишь поднятым пальцем, не соизволив даже обернуться, далеко впереди. Она походила на реки пустынь, что перестают речь в знойную пору и распадаются на бусины луж, между которыми тонкая струйка воды еще иногда булькает среди камней ; с давних пор кровь перестала здесь биться из конца в конец, но по проходам, отмеченным более свежими следами колес или копыт, угадывалось, что , хотя смысл и сама идея долгого путешествия были утеряны, сон не отпустился на дорогу единым махом : его продолжали местами пользоваться, урывками и на малые расстояния, как пахарь заставляет трястию свою телегу по обочине римской дороги, что пересекает его поле, — но это были минимальные, совсем домашние перевозки, те же, что в переулках крохотных городишек, между стогами и водопоями — стада малого скота, которые гонят пастись или продавать, хождение взад-вперед угольщиков или лесорубов, разносчики, которые отважились забрелать сюда от самого Порубежья. Затем, по мере погружения в смутную глушь, умирали даже ничтожные хрусты

человеческой ноги на спусках, и после огромной белой пустоты дня, во время меж собакой и волком эстафеты на последнем этапе принимали уже вольные звери, ибо этот просвет в лесу казался им привычным и удобным, особенно тем из них, кто путешествовал и шел далеко ; часто из-за ближнего поворота слышался галоп стада по камням, или же было видно, как в удалении, довольно похрюкивая, рысит по нити дороги размашистой дорожной рысью кабан со своей кабанихой и, гуськом, все кабанята, и тогда мы продолжали путь с чуть бьющимися сердцами в истончающемся свете : словно вдруг Дорога, одичавшая, под шапкой курчавой травы, со своими булыжниками, погрязшими в крапиве, в терне и терновнике, уже не пересекала страну, а смешивала эпохи, и сейчас она, быть может, вынырнет вдруг сквозь светотень зарослей кустарника, пропахших мокрой шерстью и свежей травой, на одну из тех полян, где животные говорят с людьми.

Чтобы обороняться так совсем в одиночку — сквозь те долгие периоды, когда люди переставали разъезжать по каменному ложу — против натиска деревьев, животных, диких растений, Тракт должен был многое привести в порядок : прекрасное строгое предписание для дороги, что пересекала эти края как посторонняя, было упразднено. Как завоеватели, которые с грехом пополам приспособляются, принимая нравы и одежды завоеванных стран, проходя через нетронутые леса, болота, каменистые холмы, она впитывала в свою плоть что-то из самой сущности пересекаемого края, причем до такой степени, что становилась почти неотличимой от него, и если подчас мы проклинали ее в минуты ее мрачного настроения, все же было некое очарование находить ее такой разнообразной и переменчивой, насквозь пропитанной долгой близостью с одиночеством, дающей постепенно протекать в нас нелепым и захватывающим мечтам большой дороги: запахам растений и шумам животных, позволяющей влажным ветвям хлестать нас по лицу, когда мы пересекали лес, или выбеливать нас всей пылью песчаных равнин. На меловых равнинах ее белая мостовая сохраняла под легким подрагиванием сухих зонтичных, что раскачивались вдоль швов мощения, четкость хорошо прорезанной ленты, пробегающей прямо сквозь протяженность ; перед собой на гребне складок местности мы видели, сколь далеко струилась царапина ее светлого следа. В те же дни ее сухая и ветреная

четкооть, ее прямой и удобный вид, подавая нам надежду на легкий переход, добавляли что-то к голубизне ясной погоды. У склонов ущелий, прерываемая осыпями, раздробленная сдвигами почвы, раскроенная подчас надвое вплоть до колючей щебенки своего основания, часто она была всего лишь ложем высохшего потока, скверной кремнистой отливкой, где спотыкались лошади. Но больше всего нравилась мне эта заброшенная дорога, когда — порой целыми днями — она уходила вглубь леса. «Остовая давно исчезла здесь под перегноем опавших листьев, нежным черным компостом, в который беззвучно погружалась нога. Шаг лошадей под зелеными сводами приглушался столь же резко, сколь резок был и переход от солнца к тени; мы проскальзывали вереницей во внезапной тишине под свежим и медленным дождем влажного подлеска. Этот затерянный лесной путь под тонким дерном, иногда краснеющим земляникой, со звериными тропками, черными лужами, запахом влажного моха и свежих грибов казался столь покинутым, столь целостно принятым назад лесной глушью, что трудно было бороться против ощущения, что с минуты на минуту он прервется, станет непроходимым, что деревья сомкнутся вокруг его узкой щели, но каменная дамба, невидимая стена, которую дорога вонзила под собою в почву, упрямо продолжала штурм леса, и Дорога бесконечно уходила вдаль, дружественная и чуть волшебная, процеживая сквозь подлесок свой спокойный, внушающий доверие свет, даруемый прогалинами, шаг за шагом раздвигая перед нами, как рука, занавес ветвей.

От пересекаемой ею страны у меня остался образ зыбкий и текущий, подобный образу нетвердой земли, со всем, что эти слова влекут за собой точного, измеримого и ограничиваемого, а скорее, воспоминания о, например, облачном небе с его перемешанными невинными массами, с нарастанием признаков грозowych теней и со столь свойственным ему стремительным и полным вибрированием из светлого в темное. Раскрывая с высоты холма свои дали, она располагалась большими пятнами с обтрепанными краями, которые на краю горизонта источались и сплавлялись в беспорядочно перепутанные пласты, в конце концов, сплетающиеся в более темный контур, замыкающий взгляд: более сумрачные пятна лесов, более светлые — лугов, дымчато-серые и дрожащие — болотных испарений; все в целом вызывало навязчивое впечатление тяжкого застоя.

Думалось, однако, не о дикости, а скорее, о возвращении к дикости, порой казалось, будто прилив только что покрыл песчаный берег — и смыл уже возведенную часть земляной насыпи. Нет, следы жизни здесь не исчезли, особенно вдоль Дороги, которой мы следовали;

но нехватка человека на сей лессировке между умиротворенными Королевством областями и землями варваров ослабла по мере того, как волны вторжения становились чаще. Не было недостатка в родимых пятнах пожаров, грабежей и насильственной смерти : там и сям дорогу разрывали совсем свежие груды, торчал черный термитник сожженной скирды, или же посреди пустого прямоугольника раскорчеванной и распаханной целины, уже отвоеванного чертополохом и крапивой, выделялся возвышавшийся остов спаленной избы. Но все эти встречи сохраняли характер скорее не смыкающихся друг с другом несчастных случаев, глаз не мирился с ними заранее, как неминуемо происходит, когда помнишь про себя раз и навсегда, что пересекаешь край, " опустошенный войной"; эти обугленные развалины выделялись всегда с мрачной силой из нетронутого пейзажа, как стадо или рига, опаленные молнией посреди игольной зелени : скорее, чем о разоренной нашествием местности, можно было подчас подумать, что пересекаешь область неумеренно грозных лет. Нет, не бремя господствующего бедствия сковало эти населенные дурными снами края, скорее это — хворобное сжатие, разнообразность вдовства ; человек начал было подчинять эти заброшенные просторы, но вот — пресытился, не впивается уже в них зубами, и теперь даже охота удержать свой трофей истлела; он повсюду вынужден откатываться, печальное отступление. Изредка встречавшиеся нам в лесу вырубки потеряли свои живые углы, свои четкие засеки : взломанные заросли кустарника устраивали теперь свой шабаш среди белого света пиджана, прикрывая нагие ниже нижних ветвей стволы. Вроде осушаемого из глубины пруда рассасывались возделанные пятна, оставляя вокруг себя темнеющие в высокой траве древние ограды и колышавшийся замкнутый контур диких растений, простеганный медвежьим ушком и маком-самосейкой. От крохотных скоплений низких хижин, которые изредка роились среди целины, поддерживаемые с флангов хлевами и сараями с сеном, заметны были теперь лишь крыши или, скорее, их полинявшие балки еще в бахроме гнилой соломы; до самых водосточных желобов их уже забил наплыв тусклых, шерстистых растений пустырей и помоек. Ничто так не сжимало сердца среди когда-то вспаханных, огороженных участков земли, где островки яблонь переклоняли теперь крошки своих крон на буйно бурлящие травы, как рабский бунт этих прокаженных растений, волосатых и когтистых сорняков цвета пши, живущих на человеческих отбросах, которых он старается держать подальше от своих выхолотых внутри оград. Теперь они, полные улиток и ушей, вели хорозод вокруг колодцев, печей и умывальников, обдавая потрескавшиеся стены нездоровой свежестью под-

земелья. Подчас, когда мы двигались в вид^у одного из этих останков, уже потонувшего в водовороте зеленой пены, грустное либретто выталкивало нас на миг с Дороги, и через вырванные окна мы бросали взгляд на пустые комнаты. Сквозь продырявленную кровлю туда падал яркий и зловещий дневной свет, заставляя, как ночную птицу, жмуриться обесчещенную пещеру глубокого крестьянского с его жалкими запутанными секретами, с опасной загнанностью алькова в угол, тайниками сзади, течкой закопченных стен, густо натертых человеческой кожей, с длинным подтеком холодной копоты на печной трубе, а в выложенной красной плиткой пристройке над прогнившей маслобойкой висели еще на своих крюках вытербленные крынки. Уже не чувство неизлечимого одряхления, омрачавшее нас, когда мы проходили через деревни Королевства, охватывало здесь, среди этих деревень с глухонемыми крышами, без лая собак, без утренней тряски телег, мы чувствовали физическое недомогание, одновременно смутное и жестокое, будто сбились во сне с пути в стране, которая встает необъяснимо поздно.

Несмотря на то, что они еще могли подчас предоставить пристанище, нам никогда не нравилось разбивать лагерь рядом с этими запятнанными запретом местами. Я вспоминаю, что однажды вечером мы остановились на привал в одном из таких обезлюдивших хуторов, прислонившись к кромке леса. Три или четыре гигантских вяза обрушивали свои тени на хрохотную, треугольную прощадку: меж стволами несколько каменных скамей раздвигали еще высокие травы, как надгробные плиты, — в углу в тень был опрокинут и оставлен каток, прикопанный до самых задранных своих оглоблей (повсюду во дворах ферм виднелись задранные высоко-высоко над травой растопыренные ноги таких же тяжелых каменных цилиндров, брошенных с жерновом на нее отчаившимися увезти их с собой). Спутав лошадей, мы сделали несколько нерешительных шагов по прокисшему селу, что доходило нам почти до живота, не решаясь разжечь огонь, робея под взглядом вдовух окон, следивших за нами из-под прикрытия своих обгоревших орбит, потом, даже не посоветовавшись, мы вскочили обратно в седла и погрузились в лес.

Однако, сколь бы явным не были знаки запустения, люди не полностью покинули эту глушь. Произошла лишь метаморфоза, как случается всегда вслед за исчезновением безопасности, в их жилье и поведен-
ках, которая придавала встречам подозрительный, изрядно тревожный

характер. Еще помечавшие своими вежами дорогу знаки былой деятельности — огороженные наделы, овчарни, мельницы, покинутые деревни — все эти леснящиеся ссадины человеческого следа, на котором мы пролеживали свой маршрут, все это, по-видимому, стало для единственной людской породы, тропки следов которой мы перерезали то тут, то там, столь же подозрительным, как зарубки на стволах лесному зверю — или помет зверя другой породы. Когда мы видели поднимавшиеся ввысь столбы дыма, они всегда были вдалеке от дороги, иногда в нескольких милях, на вершинах голых скал или на холмах, которые пожимали плечами позади лесов, там, где обычно видны горящие походные костры охотников или большие костры угольщиков; эти загадочные дымы, которые поднимались по вечерам на целые мили в высоту, не говорили ни о приготовлении постели, ни о дымящейся похлебке, и мы долго прикидывали на глаз перед тем, как выбрать место для сна, расстояние до них и их направление. Никогда, даже днем, не изглаживалось впечатление, что продвигаешься между двумя рядами невидимых дозорных. Силуэты, которые иногда пририсовывались вдалеке на дороге или протискивались сквозь лесную поросль, не напоминали путешествующих по дороге: их нерешительная, скованная походка и определенная забота, которую они проявляли, чтобы избежать встреч, заставляли думать скорее о племени, мародерствующем на границах своей территории, или о людях, которые обходят возвышенность вдоль песчаного морского пляжа. Аль, сочувствовавший этим избегающим общения лесным бродягам, обладал даром достаточно часто вызывать их доверие: иногда они расхрабривались до того, что присаживались на мгновение у нашего походного костра, и мы расшифровывали по крохам редкую жизнь, что тлеет вокруг нас. Здесь, на отшибе, образовался чрезвычайно перемешанный человеческий отстой — кочевники, отрезанные от своих, которые окапывались на полянах единокровными группами по несколько семей (хотя они и переняли язык Королевства и мелочи его обычаев, их было легко распознать по их деревянным шаламам — круглым, с конической крышей из дранки, просто гряды из жердей), ополченцы Порубежья, приказ об эвакуации не тронул их в затерянных крохотных фортах, и теперь они управляли, как феоды, маленькими общинами трапперов, древорезцев и конокрадов, пришедших искать убежища за их бревенчатыми полисадами, последними, еще, фермы, незанятые на корчевке и распашке, которые приобрели здесь вкус к простору и, чтобы не подражать старейшинам, прекрасно ведущим свои кадастры в старой стране, сняли с крюка свои ружья и выбрались в лес.

Вступая через полуохотников, полуграбителей в разговор с этими маленькими, прораставшими там и сям, как сорняки после дождя, кланями, удивительно было чувствовать сквозь их пересуды, со сколь малым сожалением приняли они отставку старой уютной жизни и развились теперь на просторе, слегка утомленные своей свободой, на заново после омовения, свежая шерсть совсем очистилась от ссадин под распушенной старой подпругой, и человек, выпущенный в туман трав, как жеребец, тоже омолодился, окрыленный тем, что можно идти по земле без морщин, как по едва просохшему морскому побережью.

Их отношение к проходившим изредка по нити Дороги группам не было ни враждебным, ни злобным, это было отношение грабителей, потерпевших кораблекрушение судов к кораблям, проходящим в виду их рифов : беспристрастное — хорошо вооруженная и снабженная группа, уверенная в своей дороге, могла бы подумать, что пересекает лишь изобилующую дичью глушь — заблудившаяся, без запасов продовольствия или растеревшаяся из-за несчастного случая, она рисковала наихудшим, ибо запах крови здесь, как в море, разносился далеко ; порох и свинец, одежда и лошади были предметами яростного вожделения, и, сколько стоила его поклажа, примерно столько же стоила и жизнь путешественника. Затруднения из-за трупа возникают обычно из-за всего того, что он влачит за собой опасно запутанного : он схож с теми пробковыми буями, к которым прицеплена рыболовная сеть : тронуть его — значит извлечь на свет, петля за петлей, кишение, опрокидывающее лодку. Здесь, где швартовы были перерублены, поплавки плясали, и смерть перестала ставить вопросы : время от времени на краю дороги встречались маленькие продолговатые кучки камней, к которым по обычаю Дороги лишь полагалось добавить, проходя, камень, жест рассеянного отпущения грехов, который освобождает одновременно смерть от ее воспоминания и убийцу от его мотивов : эта крохотная человеческая морена, постепенно отлагавшаяся вдоль пути, не обременяла память, как кладбищенская земля, и не наводила на размышления. Она заставляла ветер шептать вдоль Дороги, а волны воды — бормотать, наподобие лодок, пришвартованных по набережной, а когда она растягивалась под деревьями, на нее без стеснения усаживались, чтобы передохнуть или сориентироваться : покой был в этих легких могилах, которые делали жизнь такой непринужденной и совсем не брали на себя ни свидетельств, ни поручений.

Вдоль Тракта мы встречали иногда женщин. Они шли по двое, по трое — почти никогда в одиночку — почти всегда верхом — однажды мы перегнали двоих, идших пешком : два хрупких черных силуэта на дороге далеко перед нами, тяжелые походные сапоги заставляли их подпрыгивать, вроде хромых птах: они держались за руки и ничего не говорили и — вспоминаю, что дело было к пасхе, — они покусывали цветущую веточку : леса в дымке желтоватой зелени были наполнены призывами кукушек, но лишь эти рты, столь внезапные на пути, полном рытвин с вешней водой объяснили нам, что земля цвела. Дорога, где они жили в водовороте долгого путешествия, понемногу придавала им что-то вроде формы ; почти все носили толстые, гармошкой на лодыжке сапоги, зашнурованные галльские шаровары, кожаный корсет, сурово, как латы, стягивающий их от талии до запястий; но они ходили с непокрытой головой и распущенными волосами, пышными, жаркими, ниспадавшими до пояса, полными колючек и диких запахов. В этих встречах не было ничего пошлого или ничтожного. Иногда они приходили совсем издалека, услышав рассказы об идущих по дороге, приходили не для того, чтобы у них кормиться, — ибо они ничего не просили, и даже дар, если и принимался, то лишь по причудливому капризу или же по скрытому правилу, сквозь которое провиделась суровая неподкупность, — но для того, чтобы жить с ними или, скорее, у них под рукой и на их лад в той разновидности оживленной кильзаторной струи, которой была Дорога, и где дышалось, как нигде: подчас думалось о тех морских птицах, которые качаются мгновение с подвстреченного борта корабля, но покидают — одна за другой — их, как будто свежий, пенистый бурун путешественника манит их больше, чем сам путешествующий. Почти все были красивы; сильной и немного тяжелой красотой они походили на крестьянских дочерей с дерзкими в ночи глазами, что скачут без седла, пригоняя лошадей с водопоя, — но Дорога их облагородила, или, быть может, ее зов затрагивал в лоне этих землистых равнин бег только самой легкой крови. Их презрение к крепостному племени подданных земли, которое смыкалось каждый вечер в своей прокопченной пахотной скотинной постели, было бездонно : здесь было и презрение почти духовного ордена к вываленной в распаханной грязи несортице, и, отчасти, опесь избравшего свой удел прислужника знати, пронизанного весь день эманацией избранных. Они говорили мало — не боялись — были мудрыми и изощренными совет-

чижаками, знатоками опасностей дороги — и можно было при желании относиться по-товарищески, как к хозяевам однодневного путешествия, к этим бдительным и неразговорчивым спутникам, которые были обуты в кожу, умели обуздать лошадь и ругаться сквозь зубы, как мужчина, — но иногда, на привале, когда ночь сгущалась вокруг ложа красных углей, — единственное их кокетство — всегда в и б р а т ь : рот искал во тьме ваш рот с упрямым доверием нежного животного, которое пытается читать по лицу своего хозяина, и вдруг это была вся женщина, жаркая, развязанная, как дождь, тяжелая, как распушенная ночь, скользнувшая у вас между рук. Когда мы шли, целомудрие не было для нас правилом, и мы принимали их так, как они к нам приходили, эти внезапные дорожные удачи. С тех пор я не раз — так как в этих встречах было что-то одновременно незавершенное, несуразное и нежное, неотделимое от никогда не сохранявших от них ничего нечистого воспоминаний — думал, что эти странницы с нежными, внезапно рассыпающимися волосами отдавались, может быть, — как странно это звучит — за н е и м е н и е м лучшего — смущенные этим подносимым во тьме с какой-то смиренной покорностью женским телом, обреченные всегда знать лишь сквозь его жаркую толщу. Что они искали, с чем хотели нескладно соединиться, что держало их без сна в долготерпении ночи напролет? — не шедшие по дороге; может быть, страстно сфокусированное на них отражение чего-то более далекого — может быть, всего лишь того, куда их вела Дорога. Женщина скорее, чем мужчина, содрогается от того, что он уносит, походя, в неясном дуновении, поднятом над землей, но жаркий мрак ее тела отягчает ее, и случается, что из нетерпимости к тому, что мешает в ней абсолютной ясности, она отдает его, как срезают дорогу. Мне кажется, что полностью никто никогда в этом не ошибался, и что даже самые грубые оправлялись от случайных ночных объятий, тронутые на мгновение чем-то вроде грубой деликатности: обращаясь с ними в миг утреннего прощания не как с женщинами, а как с попутчиками на очередном этапе и верными товарищами. А те никогда не пытались задерживать или удерживать, когда утром выржался их ночной друг, они служили ему с изысканными жестами и сноровкой пажа; чтобы не позволить себе никакой тусклой фамильярности, зная, что относится к посетели, а что для мужчины совсем из другой оперы, и умея следовать за самцом в его отвращении смешиваться с ними.

Иногда я мечтаю о них — это неповторимо: в какие-то мгновения столь близкие нам, столь братотвенные — со своеобразной тяжелой нежностью. Без сомнения, они все еще скитаются около перерезанной

Дороги, где никто больше не проходит, неутоленные вакханки, желание которых пыталось лопотать на ином языке — наполовину куртизанок, наполовину сивилл — навсегда не способные войти в сделку с банальностью жизни, провал их огромных глаз, надменный и грустный, как иссякший колодец у пустынной дороги, обремененный сожалением и вдовством этого маленького сообщества женщин — хрупкий — вдруг замирает подчас на мгновение и по приказу самца низводится туда, где он живет, и замирает в себе, как нельзя более сурово ; около дороги, которая по-своему тоже цветет, как ни странно — ведь она совсем стерильна, распространяя стойкое и сильное благоухание. Лишенные возможности коснуться, вполне достигнуть, они смиренно давали. Они были послушницами долгого путешествия, покорными самым жалким заданиям, но неспособными замарать свои руки и рты ничем, что плотски не касалось некоторого приказа, который они предчувствовали сердцем. Я вспоминаю их серьезные глаза и странно возвышенные к поцелую лица — будто к чему-то, что их озарило — и еще, ко мне приходит жест, как он приходил к нам, когда мы их покидали, исполненный отчаянной и жалкой нежности: поцеловать их в лоб.